

18+

ИГОРЬ БАЛДИН

ЮЛЯШКИНА КНИЖКА

ЛЮБОВЬ ЖИВЁТ НЕ ТРИ ГОДА...

Игорь Балдин

Юляшкина книжка

«Издательские решения»

Балдин И.

Юляшкина книжка / И. Балдин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988627-9

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Считается, что любовь живет три года. А брак и быт
разбивают её вдребезги. Эта книга о том, что любовь и до, и после свадьбы —
тот самый аленький цветочек. И чем лучше за ним ухаживаешь, тем больше
чудес он тебе дарит.

ISBN 978-5-44-988627-9

© Балдин И.
© Издательские решения

Юляшкина книжка

Игорь Балдин

© Игорь Балдин, 2020

ISBN 978-5-4498-8627-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Сапоги не нужны?»

Под лестницей на журфаке в облаках чужого дыма мы говорили о Курте Кобейне и его отношениях с миром, о других, таких же как он, ушедших в небытие 27-летними – Морисоне, Хендриксе, Джоппин (хотя начинать было бы лучше с Лермонтова). Удивительно, ведь тогда мы рассуждали о тех, кто был значительно старше нас. Наши поцелуи в пустых аудиториях, разговоры обо всем на свете под строгим оком Михаила Васильевича на балюстраде, прогулки по старому Старому Арбату (новый Старый мне нравится меньше) – в этом всегда было так мало от реальности, что чудеса нас находили сами. Ну как забыть этого чудака, что своим громогласным «Са-са-сапоги не нужны?» невольно вырвал тебя из моих объятий. В руках он, действительно, держал пару сапог. Или как, отмечая твое 20-тилетие, мы случайно забрели на выставку картин, познакомились с колоритным грузинским художником и весь вечер пили с ним вино. А вальс на Красной Площади в 4 часа ночи. Но прежде хочу признаться: то, что я, закомплексованный юноша, оказался по колено в фонтане – уже чудо, сотворенное тобой, разумеется. Одни только воспоминания о нашем студенчестве как волны – попадаешь на одну и тебя тут же подхватывает следующая: вот мы на Софринском холме; на развалинах ещё вновь не отстроенного Царицыно; вот уже сидим у стены Кремля, откуда открывается прекрасный вид на Храм Христа Спасителя (в конце концов, нас попросит оттуда бдительный кентавр в полицейской форме); вот ты одетая под Аврил Лавин, совсем еще девочка, обнимаешь меня, играет что-то попсовое, люди выплескивают вовне свой пот, смешанный с запахом дорогих и не очень духов, но всё это только фон; а вот мы снова в социуме и в то же время совсем вдвоём, посмотрим, как братья из «Агаты Кристи» заставляют пространство менять свою форму.

Пусть скользит по асфальта изгибам

Луч полночный разорванной лентой.

Мир исполнен движения силы,

Безграничной, но переменной.

Расскажи мне о днях уходящих,

О Всевышнего звездных широтах,

Непролазной забвения чаще,

Что встречается на поворотах.

Пусть сияют вселенной светила

Млечной тайной любимого взгляда.

Расскажи о прекрасном, незримом

За пределом дорожного ската.

«Межзвёздные путешествия»

Любовь – это странный способ взаимодействия со временем, это приятие будущего, прошлого и настоящего как константы. Наш первый поцелуй у ныне снесенного «Ориона» – это то, что происходит прямо сейчас, так же как и путешествие по морщинам, который писатель и его герой совершают одновременно, также как и маленькая фея, живущая и в матери, и в дочери.

Я часто думаю, преодолеют ли когда-нибудь люди расстояние от одной звезды до другой. Ведь до ближайших альфа- и бета-центавра 4 световых года. А некоторые галактики находятся невообразимо далеко – за миллиарды парсек от нас. Будешь долго считать нули и всё равно ничего не поймешь. И здесь у меня есть теория, которую словами выразить непросто, но всё же попробую. Любовь делает недостижимое близким. Только она. И однажды, верю, найдется гений, что докажет: до каждого объекта во вселенной можно дотянуться, быстро и легко, без реактивных или каких бы то ни было иных двигателей. Также дело обстоит и с хроносом. Почему у Бога нет начала и конца? Потому что он, воплощение любви, он одновременно присутствует в каждой точке пространства и времени. А мы, хоть и редко задумываемся об этом, его дети. Мы всегда молоды, и всегда стары, мы рождаемся и умираем одновременно и уже поэтому вечны. «18 и 68» писала ты в своём рассказе. Так и есть – всё это условность, перевёртыш, игра в цифры, которую мы так любим. Это как в катрене Блока «Ночь. Улица. Фонарь. Аптека». Когда мне было 18, я, подражая гению, разумеется, безуспешно, писал тебе:

«Старый фонарь»

*Вновь за окном одиноко сутулится
Друг мой – погасший фонарь,
Белые хлопья над темною улицей
Холод сжимает в хрусталь.
Взглядом возжу по небесным окраинам
Мрак и бездонная тишь.
Сядь у камина, у жаркого пламени
И обогрейся, мальши.
Спрячь в одеяло пуховое голову,
К мягкой подушке прильни,
Скоро уснешь и увидишь над городом
Снежное танго зимы.*

«Рим»

О вечном думаешь не так часто: иногда по ночам, когда не спится несмотря на ежедневные недосыпы, чаще – во время пауз (каникулы, праздники), но бывает, что поднимаешься над собой, прикасаясь к чему-то прекрасному. Таким был весь наш Рим. Руины кровожадного Колизея, бывший языческий храм Палантин, что стал христианской святыней, древние камни и фонтаны – вода, вены города, созданные еще до рождества Христова. Такой была и Петрова *via Arpia*, пустынная, раскаленная, как наши поцелуи. Таким было и Позитано, разноцветная лестница домов, соединившая горы и море, и терасса, больше похожая на портал в Рай. А помнишь звук воды в гротах, куда мы заплывали? Когда открываешь бутылку с шампанским, слышишь нечто подобное. И дикий пляж, где мы аль-натюрель (слово украдено из интервью Любимова), прятались от посторонних глаз. Все мы потомки Адама и Евы. Но именно там, среди этой *grande bellezza* особенно ясно осознаешь, что потеряло человечество после грехопадения.

«Super urbem aeternam»

*Al posto delle insensibile parole
Volevo dirti che mi sento dentro
Con frutta onde di Romano sole
Che entra nella nostra stanza con il vento —
Da sud a Mosca nordica. Tristeza
E cosa tipica per questa bianca e nera
Citta... con te, il mio angelo, bellezza
Puo esistere anche qui, in realta.
Grazia a te, mi sembra, ogni giorno
Io possa vivere com l'ultimo se fosse.*

*Ce' una Terra, l'atmosfera ce' intorno,
Lo spazio, sopra cui – amore nostro.*

«Пузитано или Позитано»

«Пузитано» – сказала ты, а я включил ироника. Хотя ещё не понимал, что их южноитальянское Sorrento на неаполитанском диалекте звучит как «Сурьенто» и что в конечном счёте, как это чаще всего и случается ты была права:

Позитано – это очень дорогой курорт. Сюда приезжают в основном богатые русские и немцы. Чтобы остановиться в гостинице нужно выложить за одноместный номер больше 200 евро в сутки. Нам удалось туда попасть только благодаря Светлане – удивительной женщине, которая поселила нас у себя дома, в Остии. Мы были в Позитано всего 4 дня, это были наши последние деньки перед возвращением в Россию.

Красота начинает обволакивать уже в тот момент, когда машина въезжает на серпантин. Уже здесь сплетаются воедино самые разные эмоции: трепет, счастье, предвкушение, восхищение и... страх. Потому что эта дорога – идеальный источник адреналина. Узкий серпантин, резкие повороты, встречные грузовики и скутеры. А с левой стороны дороги – угрожающие скалы. Они заботливо спрятаны под металлической сеткой, но от это почти не успокаивает. А справа мелькают Соренто, потом еще несколько приморских городков, Праяно, и, наконец, Позитано. Домики светлых тонов – белые, желтые, бежевые – вырастают прямо из скал. А у подножия – кристально чистое море – голубое, синее, зеленое. Мы на месте. Парковка здесь, как и в Риме – дело непростое. Узкая дорога для этого не приспособлена. Но мы находим место. Теперь – вниз по ступенькам. Дома здесь связывают вековые улицы-ступеньки, чаще всего – очень крутые, каменные. И снова – ощущение невероятной красоты и страх. Спускаться вниз тяжело. Мы заходим в дом. Оставляем вещи и снова вниз по ступенькам – к морю. пляж каменистый, чистый. Небольшое углубление в огромной скале. Людей почти нет. Местные жители и большинство иностранцев вечером купаться не любят – факт, который большинству русских непонятен. Мы – в их числе. Море в этот вечер – наше. Входим в нежную морскую массу, без конца и края, и в этот момент возникает ощущение, что ты в раю. Я говорю Игорю: «Наверное, мы погибли и теперь оказались в раю». Он полностью со мной согласен. То, что происходит дальше в этом сказочном вневременном пространстве – я просто не смогу описать. Мы плаваем долго, и самое удивительное, что усталости нет вообще. Как будто тела просто нет, как будто это душа наконец оказалась там, куда все годы жизни стремилась.

«Балкон, с которого мы роняли тапки»

Как и веранда рыбацкого домика в Позитано, даже несмотря на очевидную разницу перспективы, балкон в съемной однушке на Студеном проезде был нашим ковром самолётом. Там мы парили над хроносом и космосом. Иногда через решетки этого «люка» что-то падало вниз. Кажется, так мы дважды теряли тапки. Но эта жертва красоте, которая всегда спасает целый мир, что иногда помещается на двух-трёх метрах глядящего вниз металлическим козырьком бетона. Тогда ты стала ещё более чуткой к прекрасному, ведь под твоим сердцем рос наш перенец. И ты превращала наш подоконник в крохотный филиал Италии, украшая его цветами и разноцветными блюдами, поутру окуривая его свежемолотым кофе и тёплыми круассанами.

«Пинии»

*Сердце жгут раскаленные пинии,
В легких – воздух осенний, промозглый,
А в мозгу конденсат, он к утру станет инеем —
Температурные парадоксы.
Над Италией ночь чернильная
Зажигает фонарную россыпь.
Где-то море, луна светильником*

*Чуть желтит корабельные тросы.
Ну а здесь отсыревшее облако,
Нервный сгусток московских улиц,
Что неоновыми дорогами
До пределов земных протянулись,
И еще немного нечаянных
Скороспешных любимой объятий —
Город наш красота печальная
Черно-белых скупых фотографий.
Мы с тобою застряли в расщелине
Двух отживших свой век империй.
От Казанского и до Термини
Разгоняются наши качели.
«Море»*

Я в командировке на крейсере «Москва» где-то в Средиземном море. Разглядывая волны, никак не могу понять, почему «морем» не пахнет. Несколько дней спустя думаю об этом уже у берега, стоя по колено в воде. Как ни странно, здесь дышится легче, и, наверное, не потому, что согласно известной поговорке, рожденный ползать летать не может. Дело в другом – мне кажется, чтобы увидеть вечность, нужно видеть границу. Величие океана прежде всего паразит того, кто стоит на земле. Может быть, так и с нашей жизнью, границу которой мы однажды переступим, чтобы оказаться в мире ином.

Первый раз сознательно я увидела море в 18 лет. У меня был настоящий шок и я готова была разрыдаться – дыхание сбилось, было ощущение, что меня отбросит этой мощнейшей энергетикой на километры назад, или разорвёт на части. Я не могла поверить в то, что видела и чувствовала. Мне казалось, что передо мной – сам Господь Бог. Потом я освоилась и скакала по кромке босиком с музыкой в плеере. Чувствовала себя маленькой девочкой, которая полностью во власти стихии, но эта стихия пока меня не собирается уничтожить, а спокойно лежит прямо у моих ног и поблескивает.

Потом было море под Адлером. Я стояла на берегу вместе со своим мужем, в свадебном платье и с букетом в руках. Я замахнулась и бросила цветы в море. Очень хотелось, чтобы оно унесло эти цветы куда-нибудь далеко, к дельфинам. Чтобы они увидели и может даже поиграли с развалившимся на части букетом и молекулы нашего счастья распространились повсюду... Тогда, кажется, были волны.

Тирренское море было совсем другим – маленьким, лёгким, прозрачным и солнечным – как сама Италия. Под Римом, в Остии, я чувствовала себя очень счастливой, влюблённой в своего мужа и в ту жизнь, которая тогда была и предстояла нашей молодой банде – Сид и Нэнси, Бонни и Клайд, Джонн и Йоко...

В Турции море стало расслаблением и полным предвкушением новой жизни, которая тогда начиналась в моем животе. Старший сын уже вовсю плескался, а дочка только готовилась к тому, чтобы узнать всю мощь и красоту нашего странного мира, и море ей, похоже, тогда понравилось.

Чёрное море в Коктебеле принесло болезнь всей семье и очередное разочарование в людях. Так испоганить первозданную чистоту природы может только человек...

А Балтика стала моей новой сильнейшей любовью. Холодная, гордая, честная. Балтика – это такая уверенная в себе красотка, с чувством собственного достоинства. Она не заигрывает: не нужно строить из себя знойную и жаркую, ей прекрасно в собственном амплуа. Холодный ветер пробирает до костей, но есть же тёплая одежда и вино, в конце

концов. Закаты невероятной красоты и сосны кругом. Балтика мне подсказала, кто я такая и помогла принять свои чувства, мысли и мечты.

«Аltreго»

О любви лучше всего написал философ Владимир Соловьев. Любовь – это подлинное духовное единство, и когда двое прорастают друг в друга, навредить близкому человеку – то же самое, что и навредить себе. Приносить несчастья второй половине – очевидный путь к саморазрушению, счастье – к созиданию. Пресловутое его, с которым так модно носиться, само по себе пустышка. Ты, дети, семья – когда вас нет рядом, я ощущаю нечто липкое и тягучее под ногами, что всасывает меня в бессмысленность этого пустозвучного «я». И если вы на даче, а я в Москве или в командировке, в гостиничном номере чужого города, оно отдаётся бессмысленным эхом в помещении, населенном призраками.

«Под Кипрскими Пальмами»

*Под кипрскими пальмами гуляют моряки,
Стучит волна прибрежная о корабельный ют.
За окнами московскими шумят грузовики,
Да дворники продрогшие на мокрый снег плюют.
Три тысячи шестьсот секунд отсчитывают час.
А крейсер встал на якорь, он застрял на полпути.
Следят за черной стрелкой вновь две пары детских глаз,
Хоть и не знают, сколько в порт «Сметливому» идти.
Кафе, песок и лабиринт светящихся витрин,
А за стеклом – пучина звезд, божественный Парнас,
Но он – в ловушке, он устал, он здесь совсем один,
Ведь где-то там безмолвно ждут две пары детских глаз.*

«Зеленокумский балкон»

Я часто вспоминаю жаркий южный Зеленокумск, балкон бабушки и дедушки и глубокое испещренное звёздами августовское небо, что нависало над ним будто козырек. В моих детских снах на этом балконе я пересекал галактики. Я мечтал, что нужно только найти что-то, какой-нибудь переключатель или ключ, и всё заработает: бетон отделится от кирпичной стены, и я полечу к другим планетам.

Ты дала мне этот ключ. Сначала открыла им двери своего сердца, и я проник в одну вселенную, потом под сердцем выносила наших прекрасных детей и дала мне еще два ключа. И теперь мы уже вместе совершаем наш magical mystery tour across the universe (куда же без наших кумиров).

«Снег»

*Первый спасительный снег
Мир накрывает густыми волнами.
Тише шаги, сказочней свет,
Белые искры горят под ногами,
Белые птицы воркуют над нами —
Это навек.
Город застыл. Шум метро, гул машин —
Все здесь звучит вопреки камертону.
Шепчет о чем-то зимы господин,
А фонари в молчаливом поклоне
Нас провозжают. Объятий твоих
Хватит, чтоб выйти в иные пределы.
Прячься любимая в мой воротник
И полетели.*

«Золотой ключик»

Искусству смотреть дальше собственного носа меня научила ты. Я помню, как летом, это был курс, кажется, третий, ты позвала меня в храм. Ты надела лёгкое белое платье в пол, и я тут же забыл о цели нашей прогулки. Я думал о том, о чём в этой ситуации думать было никак нельзя – откровенно говоря, обо всём, что это платье прячет. Но мы зашли за ограду, сели напротив красных кирпичных стен и крестов, и ты снова незаметно протянула мне ключ, ключ, которым я до сих пор научился не открывать, а только приоткрывать двери. Именно в тот день, рассматривая людей, возвращающихся со службы домой, я понял, что от некогда любимых фраз «Господь у каждого свой», «я интерконфессионален», «Бог внутри каждого из нас» и тд. и тп. тянет фальшью. А дальше было много всего: и чаепития с отцом Николаем, и твои рассказы о паломничестве в Оптину Пустынь, и долгая служба в Троице-Сергиевой Лавре (я помню не только о том, как тянуло спину), и волшебные Покрова на Нерли, и сказка венчания, первые исповедь, причастие, всенощная и даже статья в православной газете. Но это было потом. А сейчас ты пришла и тихо показала мне нечто очень важное. У тебя ведь настоящий талант – не разглагольствуя, своей маленькой ладошкой заставить ближнего *veni vidē, uti credam*. В моих рифмах появились слова «Бог», «крест» – это всё Он, и, конечно, это всё ты.

*Мне сказали: «Смотри, абсолютное зло
Пред тобой с наготою Адама,
Что людей превращает в духовных рабов,
Рушит свод иудейского храма».*
*Я увидел прекрасный, сияющий взгляд,
Словно небо, глубокий, безбрежный,
И спросил их: «Быть может, он не виноват?
Коль не праведник – точно не грешник.»*
*Мне ответили: «Слушай, он тысячи душ
Навсегда ввёл в обман и сомненье.
Властолюбец, ревнитель страданий и мук,
Обещал только падшим спасенье».*
*Я подумал: «Возможно, хватило б с глупца,
Что не ведал своих же ошибок,
Наказание плетью, иглою венка
И презренья случайных улыбок»*
*Мне сказали: «Так знай, он ещё лжепророк,
Чьё рожденье – гибель младенцев,
Чьё ученье – хула на духовных отцов,
Чья мечта – цитадель иноверцев!»*
*Я представил, что в мире нет смерти и зла,
Всем открыты для счастья объятия;
Каждой мыслью своей ненавидя лжеца
Поднимал я его на распятие.*

Я всегда много говорил и писал, часто бездарно, часто одно и то же, брал количеством, а не качеством. И удивительно, что ты всегда умела находить зерно мысли среди этой шелухи словесных конструкций, подхватывать тему и раз – переворачивать всё так, что моя глупая болтовня превращалась в наш осмысленный диалог. Ты и сейчас не просто скромна, сверхсамокритична. И в этом смысле твои слова о себе самой часто расходятся с твоими поступками. Чего стоит один только мальчик Гриша. В этой истории я от и до узнаю тебя, девочку всей моей жизни.

«Мальчик Гриша»

Гриша подошёл ко мне, когда я, в солнечных очках на пол-лица выходила на Баррикадной из метро. Жарило солнце, и я почему-то плохо переносила эту внезапную для холодного лета 2017-го, жару. Он пересек внушительный встречный поток людей и шёл именно ко мне. Для меня до сих пор загадка – почему. Возможно, я шла несколько медленнее остальных и он подумал, что я не очень спешу..

– Извините, дайте, пожалуйста, денег на булочку. Я проголодался очень. – и улыбка из под кепки – детская-детская, немного пьяная. Такая, что я сразу подумала, что этот семнадцатилетний парень под чем-то. Недоверие и желание поверить одновременно. Страх, что разводят и желание помочь мальчишке. Вспомнила сына. Он будет таким же через каких-то 10—11 лет. А вдруг ему вот так же нужна будет помощь?

– А где здесь булки продаются?

– Там или вот там. Тут много мест с булками! – глаза превратились в щелки и морщинки-лучики в уголках.

– Окей, пойдём.

И я повела его в кафе у метро.

– Что у тебя случилось-то? – море недоверия, наверное, парень под кайфом или отходит.

– Да я поступать приехал. Документы подал и вот теперь жду.

– Куда поступаешь?

– В училище музыкальное. В Гнесинку, в консерваторию подал. Где примут – там и буду. Заходим в кафе, садимся за столик. Официант. Дайте, пожалуйста, меню.

– Заказывай, что хочешь. Поешь как следует.

Уткнулись носами в меню. Задумчиво листает, немного пыхтит, козырёк чёрной кепки под тенью прячет глаза.

– Мне, пожалуйста, овсянку на воде.

– Только на молоке есть.

– Тогда гречневую лапшу с курицей. И чай зелёный. Я так чай люблю зелёный в последнее время!

– Облепиховый морс, пожалуйста. Ну и на чем ты играешь?

– На скрипке! Я хочу подучиться здесь немного. А потом – путешествовать по миру. Зачем сидеть на одном месте? Не хочу осесть в Москве и играть в одном оркестре всю жизнь. Хочу мир посмотреть!

– А ты откуда?

– Из Бердянска.

– Как там сейчас?

– Да нормально, более-менее. Я здесь -значит всё нормально. Там мама осталась.

– А папа есть?

– Нет. Он умер, когда я был маленький.

– ...

– Вот я рассказываю и у всех такая реакция. А на самом деле – че такого? Я его даже не помню совсем. Конечно, хочется, чтобы был рядом кто-то типа отца, но и так жить можно.

– Мама переживает за тебя, наверное.

– Да маме главное говорить всегда, что всё хорошо. Не хочу на неё свои проблемы вешать.

Я уже здоровый мужик! – смеётся.

– А где ты живёшь сейчас?

– В Митино. Подрабатываю курьером, листовки раздаю иногда. Тут для работы гражданство нужно. А я даже в Макдональдс устроиться не могу. Документов нужных нет. «Ты с Украины? – парам-пам-пам-пам! (Мелодия из рекламы Макдоналдс) Гуд бай!»

– У меня сын есть шестилетний. Я подумала, а вдруг он тоже когда-нибудь окажется в твоей ситуации.

– Да, люди здесь – все в себе. А нужно живое общение. Общение – это и есть жизнь. Тут каждый бежит на работу, все заняты. Даже вот с девушками знакомлюсь, они вроде хи-хи, ха-ха, телефончик оставляют. А потом – «мне некогда, да, я и завтра не смогу, а когда смогу – не знаю».

– Много дел у людей здесь.

– Не, мне мама говорит: «человек всегда может найти время на то, чтобы пообщаться с тем, кто ему интересен».

Он ест лапшу с курицей очень аккуратно. Аристократ прям. Хоть и в кепке.

– Я когда рассказываю друзьям, где я бываю, они все «ого! Круто!». А я им – и вы так сможете! Все ведь в наших руках! Мне мой педагог по скрипке всегда говорила: «надо руживать сразу несколько произведений, иначе если повторять все время одно – то и его как следует не сыграешь, и других не узнаешь». Так и в жизни: не надо заикливаться на чем-то одном, не нужно цепляться за место.

Я не допила морс. Расплатилась. Мне стало не по себе от того, что эти вещи я понимаю только сейчас, а парню всего-то 17. Откуда такие мудрецы вылупляются?

– Пока, дружок, удачи. С дурью поосторожней. И пусть всё получится у тебя.

Очки на пол-лица, бегу на работу.

«Времена, когда мы не знали слова эмпатия»

Ты всегда открываешь свое сердце людям, ты не умеешь делать и мыслить наполовину. И часто себя за это коришь. Говоришь, многие к этому не готовы, вспоминаешь о группках, что в студенчестве и после объединялись против тебя, непонятно, как и зачем. Думаешь, что с тобой не так. Но с тобой всё так, как и должно быть. И я влюблен в твою искренность, честность, ты восхищаешь меня тем, что рефлекслируешь, встретив бродягу. А потом думаешь, как он там, почему не помогла, что не так сказала. В этом ты и твоя глубина, о красоте которой с каждым годом я узнаю всё больше.

«Экскурсия, которой не было»

– Девушка, что вы читаете? (в парке на скамейке ко мне подсел мужчина за 50-т, с похмелья)

– Извините, я не хочу сейчас разговаривать.

– Дайте 10 рублей.

– Извините, нет.

– Хотите я вам экскурсию проведу? Я здесь всё знаю.

– Нет, спасибо (уткнулась в книгу, игнорирую)

– За вашей спиной – особняк Лягушатниковых (допустим...), он был построен в...

И дальше мой игнор прекращается. Я слышу его интонацию. Грустную, потерянную. И он уже рассказывал всё не мне, и как будто бы даже не за деньги. Ощущение, что в он рассказывает о чем-то другом, как будто пересказывает свою трагедию, которая стала причиной его похмелья. Я понимаю, что больше не смогу слушать печаль, и поступаю, возможно, совсем не благородно. Я протягиваю 20 рублей. Мужчина благодарит, говорит, что может мне еще что-нибудь показать, я улыбаюсь, говорю, что не нужно. Уходит, пересаживается на скамейку подале. Сидит, смотрит в асфальт. Подходит к фонтану, умывается. Снова садится, взъерошивает волосы, встает, идет к ларьку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.